

В.В. Переяшкин, Л.Н. Переяшкина

**Специфика «романтического историзма»
в литературе Юга США**

В начале XIX в. обращение к «прошлому» устремлённой в будущее нации не могло играть роли действенного стимула в развитии американского романтизма. Независимая история страны к началу Гражданской войны не отметила ещё и столетие, и американские писатели объективно были лишены того богатого материала, который Европа предоставляла своим певцам средневековой старины. Первые летописцы Америки – Д. Смит, Р. Беверли, У. Бирд – не обращались в прошлое, и в целом их работы отмечены равнодушием ко времени.

С появлением государственности национально-историческая тематика в романах Дж. Ф. Купера, Н. Готорна, и особенно, У.Г. Симмса, в большей степени представляет собой дань модному жанру *ромэнс*, чем серьёзное осмысление прошлого страны. Начиная с 30-х годов и до Гражданской войны, Симмса можно считать наиболее ярким представителем интеллектуальной элиты Юга. Для его работ характерны: острое восприятие времени, идеализация прошлого, обостренное чувство локальности, т.е. понимания географического места как единства исторических, бытовых и психологических особенностей. Для писателя характерно принципиальное восприятие Юга как особой цивилизации со своим укладом. Окунувшись в область исторической романтики, освоенную В.Скоттом, Симмс вносит свой вклад в развитие прозы и определяет эстетические каноны её южного варианта, разработав концепцию *ромэнс* как образец национального эпоса Америки. Он даёт развёрнутую апологию этого жанра в предисловии к «Йемаси» (1835) [1, V-VII]. К несомненным его преимуществам автор относит неограниченность «домашним кругом».

Романы же нравов представляются Симмсу низшим видом искусства, поскольку они не способны дать простор воображению и фантазии. Поэтому главное в произведении – это живописность, а не строгое соответствие реальности. Черты суровой действительности, свойственные миру фронта, сочетаются у Симмса с традиционными романтическими штампами и сентиментальностью. Конфликт строится на драматическом столкновении идеалов плантаторского класса с силами, противодействующими им и заканчивается счастливой развязкой. Как правило, сюжет развивается на фоне родного поместья, изображаемого в пасторальном стиле, либо в более общем контексте – в лесах Каролины.

В своих очерках и выступлениях, работах по истории Революции

Симмс старается подчеркнуть роль Юга в борьбе за независимость, в романах фронтира предвосхищает прозу «местного колорита», показав, каким огромным художественным потенциалом обладает природа горных областей Юга. Как правило, романы Симмса имеют обрамляющее историческое событие. Но в отличие от В. Скотта, у американского автора оно является не только источником поэтики романа, но также и фактором акцентированной временной перспективы, то есть промежуток времени между событием и моментом создания произведения.

Такой приём позволяет Симмсу комментировать событие с учетом исторической дистанции в терминах современности и давать свою оценку тому, что уже осуждено историей. Но наиболее интересно и тонко подобная «метаисторичность» жанра проявилась в романе У.А. Карузерса «Кавалеры Виргинии» (1834), в котором автор обращается не к любимой американскими историками Войне за независимость, а полузабытому восстанию Бэкона в колониальной Виргинии. И если Н. Готорн в предисловии к «Мраморному фавну»(1859) с сожалением говорит о том, что для создания романической литературы необходимы «исторические анналы» и «увитые плющом руины», которых в Америке нет, то Карузерс на два десятилетия раньше находит всё это в Виргинии XVII века и открывает свой роман почти готорновскими словами, но с противоположным смыслом: «Никаким историческим анналам ни близка так романтика, как первым поселениям в Виргинии. Невольно вспоминаются имена Роли, Смита, Покахонтас, а перед глазами путешественника встают увитые плющом развалины Джеймстауна» [2, 1, 3].

Об объективных основаниях подобного подхода к южной действительности красноречиво говорит В.Л. Паррингтон: «Страсть романтизировать действительность была чрезвычайно характерной для рассматриваемой нами эпохи, а в Виргинии подходящего материала было более чем достаточно. Уклад жизни плантаторской аристократии, представавшей в буколическом обрамлении республиканского общества, его сердечное гостеприимство, своеобразие, жизнь на лоне природы и патриархальный дух отличались такой красочностью и самобытностью, каких нигде больше в Америке нельзя было встретить, и ни один романтик, конечно, не мог пройти мимо них. Жизнь на плантации не страдала скучным однообразием и убожеством, царившими на фермах Новой Англии, не омрачалась грубостью и примитивностью, характерных для пограничных районов. В ней полностью отсутствовал дух провинциального буржуазного городка. Быть может она и отличалась расточительностью, но зато давала прекрасный материал для литературы. Поэтому романтику из Виргинии не было нужды обращаться к Англии

или Испании в поисках красочного, как это делал Ирвинг. Ему следовало лишь выбрать из знакомого материала, который находился тут же рядом, оттенить приятное, опустить неприглядное, нарисовать действующих лиц и построить сюжет так, чтобы всё соответствовало идеалам золотого века плантаторского общества [3: 46].

Выбор Карузера пал на американский исторический материал и он создаёт *ромэнс*, о невозможности которого говорил Дж.Ф. Купер, сравнивая американскую культурную почву с «бесплодным песчаником» [4: 32]. Большинство критиков считают этот роман историческим, поскольку в нём рассказывается о восстании Бэкона в 1676 году, и не совсем «южным», поскольку в нём доминирует общенациональная тематика. Помимо этого, произведение появилось ещё до того, как отношения между Севером и Югом вошли в стадию антагонизма. Со всем этим можно согласиться, но с некоторыми оговорками. Собственно, историческая основа книги – «восстание Бэкона» – появляется только во втором томе и играет функцию не более чем сюжетного хода, приближающего главное событие романа – любовную драму главных героев – к счастливой развязке.

В качестве источников информации Карузер использует обширную литературу о Виргинии, но, главным образом, работу Джона Бёрка «История Виргинии с первых поселений до настоящего времени» (1805). Но, судя по всему, историческая правда мало волнует автора, который, следуя требованиям жанра, далеко отходит от реальных фактов. Например, Бэкон изображается моложе, чем он был на самом деле. Оптимистическая тональность концовки позволяет предположить безмятежную жизнь после свадьбы, но из документов следует, что Бэкон умер в том же году. Не упоминает автор и о подавлении восстания, и о том, что 14 вожаков были повешены. У Карузера всё заканчивается благополучно и власть в колонии остаётся в руках у победителей [2, II, 241]. Главные же вопросы, волнующие историков, автор романа оставляет без внимания. Каким образом горстка бунтовщиков смогла нанести поражение губернаторским войскам? В чем подлинная причина смерти Бэкона? Что за «дурман-траву», о которой упоминает Беверли, принимали солдаты Бэкона перед боем? Зато о возможности военного противостояния английской администрации Карузер говорит в полный голос: «Ровно за сто лет до американской революции была Виргинская революция, порожденная теми же принципами. Борьба шла между представителями народа и представителями короля» [2, II; 50-51]. Абсолютно ясно, что для Карузера восстание Бэкона – это пролог войны за независимость США. В романе прослеживаются и имперские устремления молодой

нации. В книге назойливо звучит мысль, что американцы должны настойчиво продвигаться на Запад, пока не завоюют всю страну, « как волна, как мощный океанский вал, сметая все препятствия на своем пути» [2, II; 172-180]. Конечно, главным препятствием на этом пути являются первозданная природа и индейцы, которых Карузере «демонизирует» в стиле Джона Смита. По существу, впервые в американской художественной литературе появляется тема экспансии на Запад. Позднее, в конце XIX в., эта идея станет основой «Манифеста судьбы» – государственной доктрины, сформулированной Ф. Тёрнером в трактате «Фронтир в американской истории». Именно в двух политических речах Бэкона о «защите естественного права американцев решать свою судьбу» [2, II; 50-51] и о «судьбоносном продвижении на Запад» [2, II; 179-180] заключён весь исторический пафос романа. Но обусловлен он не конкретно «исторической» ситуацией в повествовании, а идеологией XIX в., поэтому термин «историзм» применительно к роману – понятие весьма условное.

Не получился *подлинным героем исторической драмы* и образ Натаниэля Бэкона. Его патриотическая риторика в конце романа кажется неожиданной и совсем не характерной для юноши с мировой скорбью в душе, вызванной «неясностью происхождения» и досадной размолвкой с любимой женщиной. По сути, Бэкона *вынуждают* возглавить восстание, в котором он одерживает победу благодаря случайностям почти мистического свойства. Очевидно, что исторический роман Карузера выполнял социальный заказ на создание национальной литературы. Следует отметить, что тенденция эта проявлялась в двух направлениях. Первая открывала для американцев славные события их прошлого и использовала национальный материал в русле так называемого «нативизма» как основы чисто американской беллетристики. Второе же направление не только стремилось художественно представить американской прошлое, но и мифологизировать его, то есть создать миф о рождении американской нации. При этом такие приёмы, как временные смещения, деформации образов, вольная трактовка событий, по всей видимости, заимствовались из шекспировских хроник, которые помимо создания художественного эффекта, преследовали цель развития «тюдоровского мифа. Безусловно, по линии историзма (наиболее существенного признака южной прозы) роман Карузера вряд ли можно считать весомым вкладом в развитие южной литературной традиции, поскольку трактовка прошлого в нем мало чем отличается от общенациональных тенденций того времени. Региональный же элемент («южность») проявляет себя не прямо – в идеологизированных авторских отступлениях, как это имело место в романах Д.П. Кеннеди, Д. Таккера, К.Л. Хенц, а опосредованно – в образной системе романа, где автор широко использует

сугубо южные мотивы. Прежде всего, писатель неоднократно подчеркивает, что «кавалеры Виргинии» – это корни современной южной аристократии, утвердившей свое право на власть в регионе. Присутствуют в романе и типичные для южной прозы образы «красавицы» (Виргиния Фаирфакс) и «кавалера» (Бэкон) – пылкого влюбленного, галантного ухажера, доблестного воина – «рыцаря без страха и упрека». Мотивы *инцеста, тайной вины и наследственного греха* в романе Карузерса предваряют одну из ключевых тем южной литературы, особенно ярко проявившуюся в творчестве У.Фолкнера. Есть в романе Карузерса и образ *пещеры* как элемента готики – образ с широким метафорическим спектром. Как символ иррационального, фантастического, влекущего и пугающего начала мы встречаем этот мотив в творчестве М. Твена, Э.А. По, Р.П. Уоррена, К. Маккарти, Л. Смит и т. д.

Библиографический список

1. Simms W.G. The Yemassee. A Romance of Carolina // In Two Volumes. N.Y.: Harper & Brothers, 1844. vol. I. 222 p., vol. II. 242 p.
2. Caruthers W.A. Cavaliers of Virginia // Gregg press // Ridgwood, N.J., 1968. vol. 1 – 228 p., vol. 2 – 247 p.
3. Паррингтон В.А. Основные течения американской мысли в 3 т. // т. 2 Революция романтизма в Америке. М.: Изд. ин. литературы, 1962. 591 с.
4. Cooper J.F. American Literature // Literature in America, 1957. N.Y.: Meridian Books. Pp. 29-34.